

Чэн Фан открыл лакированный красный деревянный сундук и достал два комплекта чистой льняной одежды. Он спросил Чжао Цзыци:

— Господин, что наденете? Синее или белое? — Сказав это, он внимательно оглядел Цзыци и, решив всё за него, добавил: — Этот синий комплект бережён на весну, он подлиннее и к лицу вам больше подходит. Наденьте его.

Цзыци лишь кивнул, а затем спросил:

— Вода есть? Я хотел бы помыться.

— Идёмте за мной.

Позади деревянного дома стоял шалаш из соломы, внутри которого находилась кадка. Чэн Фан откинул крышку — внутри до краев была наполнена вода.

Он протянул Цзыци ковш:

— Мойтесь.

Цзыци впервые выглядел растерянным.

Увидев это, Чэн Фан просто снял длинный халат, затем исподнее и остался совершенно нагим. Он взял ковш, плеснул на себя воды, намылился мылом и в мгновение ока ополоснулся.

Чэн Фан вытянул губы:

— Господин, ну же, давайте.

Цзыци, не зная, смеяться или плакать, прикрыл глаза рукой:

— Отвернись. Нет, лучше сначала оденься. Пожалуй, я не буду мыться.

Чэн Фан усмехнулся:

— Господин, разве дома вас не так же обслуживают? Чего стесняться? К тому же, мы оба мужчины. Подумаешь, лишний взгляд, все мы устроены одинаково.

Заметив, что Цзыци всё ещё хмурится, он добавил:

— Не бойтесь. Вы — первый человек на моей памяти, кто красивее меня самого.

Цзыци поспешно ретировался:

— Всё-таки не буду мыться.

Глядя ему вслед, Чэн Фан пробормотал:

— До чего же хорош.

Вернувшись в дом, он застал Цзыци уже переодетым в синее. Чэн Фан разочарованно поджал губы: вот ведь, как быстро управился.

Они съели по две порции рисовой каши с семенами лотоса и зеленью, а затем принялись сушить одежду у огня.

Цзыци выглянул наружу: дождь лил стеной, не переставая.

— Похоже, будет лить всю ночь. Мертвые превыше всего, завтра я хочу достать тела слуг из воды и похоронить их.

Чэн Фан перевернул одежду и буркнул:

— Слишком некрасиво.

Цзыци лишился дара речи от такого аргумента. Он спросил:

— Почему ты меня спас?

— Вы красивый.

Иначе с чего бы ему спасать Цзыци, который был дальше, а не того, кто был ближе? Причина проста: Цзыци просто красивее.

Цзыци внезапно прозрел: любые козни перед лицом простодушного человека — лишь бумажные тигры. Возможно, из-за того, что он промок до нитки, голова соображала плохо, и он раз за разом отступал перед Чэн Фаном, который играл не по правилам.

Цзыци притворно зевнул. Чэн Фан тут же принес одеяло:

— На улице холодно, будем спать под одним.

Цзыци плотнее закутался в одежду и отказался:

— Лучше под двумя.

Чэн Фан сделал беспомощное лицо:

— Но у меня всего одно, остальные в стирке. Темно уже, просить не у кого.

— Спи ты, а я посижу на табурете.

Чэн Фан широко взмахнул рукой:

— Не нужно. В деревне волки, я буду караулить, а вы спите.

В конце концов, Цзыци не выдержал сонливости, свернулся калачиком под одеялом и крепко уснул. Всю ночь ему казалось, будто он прижался к горячей печи.

На следующее утро небо прояснилось.

Цзыци, протирая сонные глаза, взглянул на улицу и увидел Чэн Фана: тот сидел, скрестив руки на груди, и клевал носом. Цзыци встал с кровати и толкнул его:

— Иди, полежи на кровати.

Чэн Фан потер глаза:

— Не нужно, я выдержу. Я вчера просто болтал. Сейчас схожу в деревню, позову людей, вытащим тела. Вы посидите дома, я скоро вернусь.

Цзыци, ещё не до конца проснувшись, без задней мысли кивнул. Кто же знал, что вернется он не один, а с целой толпой пригожих юношей, несущих красные цветы.

— Чэн Фан, это и есть тот названный брат, которого ты выбрал?

Чэн Фан улыбался ярче солнца.

Красивые юноши, увидев Цзыци, от которого в деревянном доме словно стало светлее, восхищенно ахнули. Они хотели подойти поздороваться, но робели, поэтому просто развешивали красные шелковые ленты вокруг кровати. На лицах — веселье, а в глазах — скрытые думы.

Они перешептывались, продолжая хлопотать:

— Чэн Фан всё твердил, что найдет себе названного брата красивее себя. Я думал, он такой привереда, что никого не найдет. А этот... ну надо же!

— Ты посмотри, как он сидит, какая осанка. Он только взглянул на меня, а у меня всё внутри задрожало, а потом стало так холодно, что я побоялся смотреть снова. Это не тот человек, на которого нам стоит зариться. А-Чэ, убеди Чэн Фана не упрямиться, как бы беды не вышло.

Юноша по имени А-Чэ сохранял спокойствие и кивнул, хотя в его руках красная лента от натяжения пошла по швам.

Первый юноша сделал остальным знак молчать. Все знали, что А-Чэ с детства был привязан к Чэн Фану и ждал, когда тот повзрослеет, чтобы стать его названным братом. И вот теперь такой удар.

Они сменили тему и продолжили работу.

Цзыци кое-что услышал и понял здешние обычаи. Когда-то, путешествуя по стране, он видел город, населенный одними женщинами, — видимо, здесь было нечто похожее. Цзыци мельком

взглянул на А-Чэ и, заметив его густые, спутанные брови, призадумался.

В этот момент Чэн Фан принес Цзыци красную одежду. На его лице не было ни капли смущения, лишь легкое волнение:

— Господин, пойдёмте переоденёмся.

Цзыци покачал головой, в его глазах читалось недоумение:

— Чэн Фан, что это значит? Разве мы не собирались доставать тела?

Чэн Фан без колебаний ответил:

— Перед этим нужно привлечь удачу, поэтому мы с вами сыграем свадьбу. Вы что, не хотите похоронить своих слуг? — Он посмотрел на Се Цзыци с искренним недоверием.

Се Цзыци слегка улыбнулся, ничего не ответил, но взял одежду из рук Чэн Фана. Затем он подошел к А-Чэ и на глазах у всех ошеломленных людей вложил красную ткань ему в руки.

— Благородный муж помогает другим осуществить прекрасное, а не злое. Чэн Фан — мой благодетель, я знаю, что он тебе дорог. Благородный муж помогает другим... Эта свадьба...

Чэн Фан перебил его:

— Он мне не нравится! Я хочу стать названным братом с тобой!

Цзыци привык к закулисным интригам, но впервые видел человека, который так прямо, не заботясь о приличиях, выражает свои мысли. Он на миг опешил.

Все неловко заулыбались. А-Чэ тоже улыбнулся, словно привык к прямолинейности Чэн Фана, и постарался свести всё к шутке. Но его ладони впились в шелковую ленту так сильно, что костяшки побелели.

Одной фразой Цзыци прощупал реакцию присутствующих: стало ясно, что, хоть они и не разбойники, правил здесь немного, а Чэн Фана они оберегают. Властью здесь ничего не добиться, моралью — тем более. Он здесь один, и сейчас не время раскрывать карты.

Цзыци сказал Чэн Фану:

— Сегодня годовщина смерти моей матери, не время для обрядов. Давай подождём три дня...

Чэн Фан тут же бросился к Цзыци:

— Значит, господин, вы согласны!

Цзыци не ответил, лишь слегка улыбнулся, и эта улыбка опьянила Чэн Фана. Каждое движение Цзыци, его улыбка, взгляд через плечо — всё это врезалось в память, не давая покоя.

С того момента, как он спас Цзыци и увидел, как тот открыл глаза, его сердце было покорено. Поэтому он сразу накормил его кашей из лотоса — символом союза. В тот миг, когда Цзыци сделал глоток, Чэн Фан услышал, как в его сердце расцветает лотос.

Проводив гостей, Чэн Фан с мольбой посмотрел на Цзыци:

— Господин, отдохните немного, а потом мы вместе пойдем помянем госпожу.

Цзыци кивнул, но отказался:

— Не стоит беспокоиться, достаточно и духовного поминания.

Когда они остались одни, Цзыци подошел к тому месту, где стоял А-Чэ, коснулся красной ленты, нашел залом и место, где вытянулась нить, и глубоко задумался.

На следующий день, когда погода прояснилась, Цзыци настоял на поисках тел. Чэн Фан позвал остальных. На воде покачивались утопленники. Цзыци указал на мальчиков в зеленых одеждах, и их подняли. Но в воде были и тела здоровяков с щетиной. Осмотрев местность, Цзыци понял, что это замкнутая долина, вдали виднелись высоты, а дорог не было. Из разговоров он понял, что никто из местных никогда не выезжал далеко. Эти люди в одежде здоровяков не походили на рыбаков или охранников, скорее на дикарей.

Цзыци нарочно указал на них:

— Почему бы нам не похоронить и их?

Кто-то тут же изменился в лице:

— Нельзя. Это горные разбойники, они сами пришлют людей за своими.

Цзыци кивнул и ушел со всеми, но по пути незаметно обронил нефритовый кулон, стоящий целое состояние. Эти разбойники ему ещё пригодятся.

За исключением Чэн Фана, остальные опасались Цзыци, поэтому он не надеялся выведать у них что-то важное. На обратном пути все окружили Чэн Фана, и только А-Чэ шел позади. Цзыци замедлил шаг и поравнялся с ним.

А-Чэ холодно произнес:

— Вижу, господин благородного происхождения, но судьба у вас не из легких.

Цзыци спокойно ответил:

— Двадцать лет службы при дворе — всё это лишь сон, пусть и прекрасный. Я привык к жизни знати, но такая жизнь — слушать шум падающих лепестков и рыбачить — мне тоже по душе. Вот только благородный муж не отнимает любимое, мне совестно. — Цзыци взглянул на далекие высоты и вздохнул: — Лишь бы эти разбойники нас не тревожили.

А-Чэ, задетый за живое и услышав слово «разбойники», выпалил:

— Боюсь, господин, вам этого не пережить, — и в ярости удалился.

Цзыци с улыбкой смотрел ему вслед, а в этот момент его руку обхватила чья-то теплая ладонь.

— Господин, пойдёмте домой.

Цзыци повернул голову и увидел, что Чэн Фан вплеl ему в волосы яркий цветок. В лучах заката цветок покачивался, и лицо Цзыци казалось необычайно прекрасным.

Чэн Фан прошептал:

— Господин, теперь я понимаю, почему говорят: человек на тропе подобен нефриту, и нет равных ему в мире.

Под ногами переплетались тропинки, вокруг зелень и цветы, ветерок приносил прохладу, цикады без устали стрекотали. Цзыци, глядя на тропу, произнес:

— Подёнки живут лишь до вечера, летние цикады не знают весны и осени. Чэн Фан, хочешь ли ты быть подёнкой, цикадой или лебедем?

Чэн Фан ответил:

— Господин, я не понимаю ваших подёнок, цикад и лебедей. Я просто хочу быть рядом с вами.

Цзыци закрыл глаза, глубоко вздохнул и снова открыл их. Он решил промолчать.

Два дня спустя настал день обряда.

Все пришли с подарками — фруктами, рисом, — но А-Чэ не было. Цзыци спросил о нем, и кто-то ответил:

— А-Чэ ушел на рыбалку, может, задержится.

— А-Чэ о вас так заботится, давайте подождем его, — сказал Цзыци Чэн Фану, и тот кивнул.

Прошло много времени, а А-Чэ всё не было. Чэн Фан не выдержал, и церемония началась. Дошли до последней фразы:

— Если никто не возражает, договор о побратимстве считается заключенным.

Чэн Фан уже хотел ответить, но снаружи раздался голос:

— Подождите, я возражаю!

Это был А-Чэ, а за его спиной стояли десятки суровых мужчин. Все переглянулись.

— А-Чэ, что ты задумал? — спросил Чэн Фан.

— Мы с тобой должны быть названными братьями, а не он! — А-Чэ указал на Цзыци. — С чего вдруг он? — Затем он крикнул разбойникам: — Вы же хотели денег? Вот, требуйте с него. Тот кулон — его!

Из толпы вышел человек с веером и, ухмыляясь, посмотрел на Цзыци:

— Из какого ты рода, господин? Что так вызывающе выглядишь?

Цзыци хотел ответить, но Чэн Фан заслонил его:

— Есть претензии? Ко мне и обращайся.

Мужчина с веером взглянул на него и махнул рукой — разбойники бросились в атаку.

А-Чэ бросился вперед, прикрывая Чэн Фана, и крикнул мужчине:

— Ты нарушаешь слово!

Мужчина нарочито лениво обмахивался веером:

— Держать слово перед разбойниками? Ты шутишь или такой наивный? — Он окинул взглядом разгневанных людей: — Все вы неплохи. Забрать всех, продать в Дом Южного Ветра, по сто лянов за каждого. Плюс этот кулон — поездка удалась.

Когда стычка была неизбежна, Цзыци, до этого молчавший, вышел вперед:

— Чжао Сюй. В двадцать пять лет благодаря таланту и сыновней почтительности был рекомендован на службу. Десять лет чиновничества: от чтеца в академии до помощника судьи, затем писаря и смотрителя почтовой станции. Ты стареешь, а чин всё ниже: от четвертого ранга до самого низкого. А теперь ты стал разбойником. Первый человек в нашей династии, удивительный талант, поразительно.

С каждым словом Цзыци лицо мужчины бледнело. Когда он услышал «удивительный талант, поразительно», оно стало пепельно-серым.

— Ты насмехаешься?

Цзыци бесстрастно ответил:

— Я восхищаюсь. Подёнки живут до вечера, цикады не знают весны и осени. Ты понимаешь,

что нельзя жить только сегодняшним днем, поэтому познал всё — это редкий дар.

Мужчина горько усмехнулся, достал кулон и поднес к лицу Цзыци:

— Ты оставил его нарочно. Ловушка для государя. Чего ты хочешь? У меня нет ничего, чем можно было бы поживиться.

Цзыци оглядел его:

— Верно, у тебя нет ничего, что меня интересовало бы.

Мужчина помрачнел, но Цзыци, воспользовавшись моментом, выхватил веер.

— Какая каллиграфия! Ровно с небес сошедшая, тяжесть в каждом мазке, сияние небесного света. Дико, но не безумно — это дар небес, а не человеческих рук.

— Ты понимаешь?

— Чжао Сюй, десять лет впустую... Неужели ты боишься, что не найдешь признания? Ведь хорошие кони встречаются часто, а вот знатоки — редко. Ты боишься, что не совершишь подвигов и останешься разбойником, который спит на мече и видит во сне славу?

По щеке мужчины скатилась слеза, а затем он расхохотался, словно безумный.

Он прочел тысячи книг, был предан долгу, полон надежд на службу стране, но видел лишь продажных чиновников. Он нарочно отказывался от чистой репутации, хотел делать дело, но каждый раз его понижали. Он обидел начальство, опозорил семью, почти был изгнан из рода, в итоге бросил службу и отправился странствовать. Увидев, как бедствуют люди, он собрал их и стал разбойником.

Его амбиции давно угасли, но слова Цзыци пронзили его сердце. Печаль сменилась новым приливом сил, старые стремления вновь всколыхнули грудь.

— Меня зовут Чжао Сюй. Я пойду с тобой.

Цзыци кивнул, они обменялись взглядами. Без единой клятвы они доверили друг другу жизни.

— Господин, я тоже пойду с вами, куда бы вы ни направились! — Чэн Фан вырвался из окружения, весь в ссадинах и царапинах, но не обращал на них внимания. — Возьмите меня с собой!

В его глазах горел огонь — простой и пылкий.

Цзыци молчал.

— Подёнки, цикады, лебеди — я не понимаю. Не понимаю и про сон на мече... Я лишь знаю, что вы — луна на небе, а я — грязь под ногами. Я недостойн, но хочу быть рядом, в любом качестве.

Чэн Фан знал лишь одно: луну с неба не достать. Если они расстанутся сейчас, он больше никогда не увидит господина.

Цзыци всё ещё молчал. Наконец, он глубоко взглянул на Чэн Фана, который словно сжигал самого себя, и слегка кивнул.

Он всё ещё не понимал таких чувств.

Чэн Фан собрал три-четыре комплекта одежды, взял немного провизии и отправился вслед за Цзыци в столицу.

Чжао Сюй проводил их до большой дороги, пообещав встретиться в столице, как только уладит дела с разбойниками.

От уезда до столицы — три дня пути, на лошадях — день и ночь. Учитывая, что Чэн Фан никогда не ездил верхом, Цзыци нанял повозку. Через несколько ли разразился ливень.

Цзыци приоткрыл занавеску: стемнело, людей вокруг нет, укрыться негде. Кучер сказал, что до ближайшего постоялого двора ещё полчаса пути.

Цзыци задумался и спросил:

— Земли вокруг принадлежат роду Чжао из округа Ли?

Кучер кивнул.

Дорога размыта, лошади еле тянут. Цзыци взял соломенную шляпу и протянул одну Чэн Фану:

— Чэн Фан, выходим, пойдем пешком. — Затем обратился к вознице: — Я слышал, у рода Чжао здесь есть летняя усадьба. Знаешь, где она?

Возница закивал:

— Знаю, конечно! Все из округи там подрабатывали, платят щедро. Господин хочет туда? Но мы...

— Неважно, я знаком с родом Чжао, вези нас туда.

Возница накинул плащ и повел пустую повозку. Цзыци и Чэн Фан последовали за ним. Через полчаса они были на месте.

Усадьба была обширной, перед воротами — ряд плакучих ив, пруды, всё очень изысканно. Чэн Фан постучал, ворота открылись, вышел мужчина средних лет в синем халате.

Цзыци спросил:

— Не позволите ли нам укрыться от дождя?

Мужчина оглядел их с ног до головы, нахмурился и хотел отказать, но Цзыци протянул ему нефритовый кулон:

— Передайте это вашему господину.

Мужчина недоверчиво взял кулон:

— Ждите здесь.

В Беседке Слушания Дождя капли падали в воду, поднимая белый туман.

Чжао Хуа сидел за столом, что-то писал, вокруг лежало множество свитков. Служанки с фонарями освещали беседку так ярко, что было светло, как днем.

Мужчина вошел, стараясь не шуметь. Чжао Хуа, не поднимая головы, спросил:

— Юй-шу, что случилось?

Юй-шу поклонился:

— Снаружи человек с двумя спутниками просит укрытия.

Чжао Хуа слегка улыбнулся, глядя на него:

— Юй-шу, этот человек, должно быть, необычный, раз заставил вас так насторожиться.

— У него выдающаяся внешность.

— Значит, вы боялись, что он меня очарует, и не хотели пускать? А теперь...

<http://bllate.org/book/19854/1954667>